

ДИАХРОНИЯ, ВИРТУАЛЬНОСТЬ И МОДАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ

В.В. Крюков

Новосибирский государственный
технический университет

krukov@fgo.nstu.ru

В заключительной, третьей, статье о проблемах онтологии с позиций диалектики и диахронического анализа рассматриваются понятия и смысловые контексты концепции виртуальной реальности, осуществление виртуальностей в константной реальности человеческого существования, а также статусные характеристики субъективной реальности в ее отношении к бытию.

Ключевые слова: виртуальная реальность, воображение и воплощение, вариативность существования, субъективная реальность и реальная действительность.

В этой статье об онтологии автор предпримет попытку показать, что существование человека как субъекта деятельности и фрагмента бытия в качестве субъективной реальности обладает не только диахроническими, то есть структурно-временными, но и *модальными* параметрами, связанными с наложением на действительное существование и проявлением в нем массы возможностей, которые человек переживает не в своей действительности, не в реальной жизни, а в своем воображении, в пространстве духа, иллюзорно и идеально. Или не телесно среди тел, а имитационно среди моделей, образов и знаков. Сейчас это принято называть *виртуальной реальностью*.

В одной из своих работ¹ автор данной книги показал, что в жизни современного человека появилось новое из-

мерение существования, дополнительная *глубина бытия*: это *виртуальная реальность*. Обычно данный термин связывают с компьютерной сферой, но все чаще понятие «виртуальный» употребляется в контексте, совершенно выходящем за рамки области информатики и компьютерной техники. Так, вошли в обиход такие еще до недавнего времени не известные словосочетания, как «виртуальная корпорация», «виртуальные деньги», «виртуальная игрушка», «виртуальная студия» и т. п. Глубина проникновения виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь позволяет говорить о «виртуализации» общества. Можно утверждать, что на сегодняшнем этапе информационные технологии современного общества начинают выступать в своей виртуальной ипостаси. Тенденция ведет к тому, что проблема, связанная с распространением виртуальных технологий, выходит за рамки специальных наук и становится проблемой, требую-

¹ Крюков В.В. Виртуальная реальность: понятие и техническое воплощение / В.В. Крюков, А.В. Николенко // Социально-гуманитарные исследования. Вып. 2: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изда-во НГТУ, 2003. – С. 87–102.

шей философского осмысления статуса виртуальной реальности.

Осуществим небольшой экскурс в историю понятия «виртуальная реальность». Впервые термин «виртуальный» появляется в средневековой христианской философии. Он восходит к понятию «*virtus*», использовавшемуся для обозначения актуальной действующей силы. Посредством этой категории схоласты пытались ответить на вопрос о том, как абсолютные сущности реализуются во временных, частных событиях. Термин «виртуальный» использовался тогда для концептуализации событий, существующих временно и в частичной форме, а также для объяснения связи всеобщей абсолютной сущности с активностью единичных предметов. Например, Дунс Скотт использовал эту категорию в своей концепции реальности, в которой вещи содержат в себе различные эмпирические качества не формально, как если бы вещь существовала отдельно от эмпирических наблюдений, а виртуально. Посредством этого он пытался преодолеть пропасть между формально единой реальностью, предполагаемой нашими концептуальными ожиданиями и нашим неупорядоченно разнообразным опытом.

Для Фомы Аквинского категория виртуальности тоже является принципиально важной: с ее помощью он разрешал проблему онтологического сосуществования реальностей разного иерархического уровня и проблему образования сложного из простых элементов, в частности – сосуществования души мыслящей, души животной и души растительной.

Кроме того, у переводчиков на русский язык возникают трудности, когда им приходится переводить отсутствующий в словаре

современной философии термин «*virtus*». Казалось бы, либо надо давать кальку, либо, дав перевод, проинтерпретировать его. С термином «*virtus*» переводчики не проделали такой работы, и объяснение этому только одно: они рассматривали термин «*virtus*» как технический, не несущий концептуальной нагрузки. А отсюда термин «*virtus*» может переводиться самыми разными способами: возможный, потенциальный, сила, доблесть. Тем не менее в критических случаях переводчики вынуждены давать кальку, поскольку никакой перевод не будет адекватен.

Со временем интерес к проблематике подобного рода угас и «виртуальность», не получив концептуального статуса, надолго выпадает из области рассмотрения философии. В дальнейшем термин воскрешают физики – он начинает применяться для обозначения мнимых элементарных объектов, так называемых виртуальных частиц. Также понятие «виртуальный» можно связать с распространенным в модальной логике понятием «возможный мир». До конца 70-х годов XX века термин «виртуальный» еще не связывался ни с электронными, ни с информационными технологиями. В то время термин «виртуальный» толковался как «возможный», «такой, который может или должен появиться при определенных условиях», а также как «неявный» и «скрытый». К примеру, в географии виртуальное расстояние между двумя точками на поверхности Земли измеряется по дуге большого диаметра (скажем, по меридиану), тогда как реальное расстояние между этими же точками должно измеряться с учетом рельефа местности, и поэтому оно всегда будет больше, учитывая подъемы, спуски и отклонения в стороны.

Новую жизнь понятие виртуальности приобретает после того, как в употреблении входит термин «виртуальная реальность», который, как считается, был придуман в Массачусетском технологическом институте в конце 1970-х годов для обозначения трехмерных макромоделей реальности, создаваемых при помощи компьютера и передающих эффект полного в ней присутствия человека². Первоначально подобные модели применялись в военной области в обучающих целях, например – при имитации управления самолетом. Через несколько лет Джэйрон Ланье использовал понятие «виртуальная реальность» для обозначения нового компьютерного продукта, и термин получает широкое распространение в качестве маркетингового ярлыка и понятия массовой культуры.

На основе работ Н. Петровой³, Ф. Хаммета, Е. Шаповалова⁴ можно дать следующие нестрогие определения виртуальной реальности:

- кажущаяся, вымышленная трехмерная реальность в отличие от двумерной реальности книг;
- мир, созданный в сознании с помощью компьютера;
- яркая и беспокойная реальность человека-компьютера;
- улучшенная, идеализированная версия реального мира;

² См.: Hammet F. *Virtual Reality* / F. Hammet. – New York: Straus Ed.– 1993; См. также: Носов Н.А. *Психология ангелов* / Н.А. Носов. – М.: ИТАР-ТАСС, 1995.

³ Петрова Н.П. *Виртуальная реальность для начинающих пользователей* / Н.П. Петрова. – М.: Акварнум, 1997.

⁴ Шаповалов Е.А. *Философские размышления о виртуальной реальности* / Е.А. Шаповалов // *Вестник СПбГУ*. – Сер. 6. – 2001. – № 13. – С. 34 – 38.

– несуществующий, воображаемый мир, который однажды может стать реальным;

– нереальный мир с реальными переживаниями;

– совокупность интерактивной стереоскопической визуализации виртуального пространства и перемещающихся в нем виртуальных объектов;

– интерактивная технология, создающая убедительную иллюзию погружения в реальный мир;

– инверсивная и интерактивная имитация реалистичных и вымышленных сред;

– иллюзорный мир, в который погружается и с которым взаимодействует человек, причем создается этот мир некой имитационной системой, способной формировать соответствующие стимулы в сенсорном поле человека и воспринимать его ответные реакции в моторном поле в реальном времени.

Все приведенные определения не являются самодостаточными, поскольку они отражают лишь одну из сторон проявления виртуальной реальности. Но у всех этих определений, пусть и в неявной форме, присутствует общий знаменатель – имитационная система. По сути, имитационная система представляет собой призму, посредством которой происходят отражение и преломление окружающего реального мира, порождая тем самым виртуальный мир. И пусть виртуальный мир создан воображением или компьютером, он, как сказано в шестом определении, порождает реальные переживания.

Создается виртуальная реальность имитационной системой, и здесь возможны два направления – психическое и техническое. Психическое направление полагает, что виртуальная реальность –

это возникающие в сознании человека образы независимо от средств, которыми они вызываются. Это могут быть не только технические средства, но также алкоголь, наркотики и другие препараты. Основной объект исследования в этом случае – психические состояния человека, находящегося в виртуальной реальности, а цель исследований – оценка вызываемых этими состояниями психических и социальных последствий. Техническое направление, наоборот, акцентирует внимание на средства создания виртуальности. Иллюзорные миры виртуальной реальности, в которые погружаются люди, создаются техническими имитационными средствами, получившими название систем виртуальной реальности.

Можно выделить следующие общие свойства виртуальной реальности: уникальность, порожденность, актуальность, автономность, интерактивность.

Уникальность. Виртуальная реальность порождается наблюдателем, а поскольку каждый наблюдатель неповторим, порожденная реальность уникальна.

Порожденность. Виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней. В этом смысле ее можно назвать искусственной, сотворенной, порожденной.

Актуальность. Виртуальная реальность существует актуально, только «здесь» и «теперь», до тех пор, пока активна порождающая реальность.

Автономность. В виртуальной реальности свои время и пространство, свои законы существования. Для ее персонажей нет внеположенного прошлого и будущего.

Интерактивность. Виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей.

В отличие от порожденной *виртуальной* реальности порождающая реальность называется *константной* реальностью. Понятия «константный» и «виртуальный» являются относительными: виртуальная реальность может породить виртуальную реальность следующего уровня, став относительно нее константной реальностью, и так, в принципе, до бесконечности.

Все же остается до сих пор открытым вопрос о том, насколько глубока виртуальная реальность и что она может дать человеку. Ясно одно: виртуальная реальность – это *мир отражений* человеческих душ, изначально не злой и не добрый. Возвышает человека, беспредельно расширяет его существование искусственно сотворенная его воображением или его техникой *виртуальная реальность*. И если порой она его губит, то губит не сама *глубина*, а тот синдром разрушения, который привнес в нее сам человек. Виртуальный мир бесстрастен, он лишь отражает то, что *внутри* нас.

Речь идет о том, что по типу реальных взаимодействий предметно-вещного характера в духовном мире личности с помощью рассказов и книг, картин и фильмов, вообще с помощью любых способов конструирования образов строится множество идеальных моделей. Человек мысленно, в своем воображении, в фантазии может представить себя в другом облике, – скажем, на месте князя Андрея Болконского; в другой ситуации – среди рыцарей круглого стола; вообще в фантастической обстановке – например, на шабаше ведьм

на Лысой горе играющим с нечистой силой в подкидного дурака; даже в совершенно невозможной в реальности роли – допустим, в виде фужера с шампанским, которым чокаются за новогодним столом.

Только в виртуальном мире возможно *перевоплощение*, и, кстати, это – один из приемов эвристики для конструкторов: представить себя тем предметом, который собираешься создать, и прочувствовать его форму, движения и функции с точки зрения удобства и эффективности действия. Перевоплощением в духовном пространстве, в знаковой модели человек постоянно и широко пользуется, расширяя с помощью возможных, но здесь и сейчас виртуальных состояний спектр своего существования, проигрывая мысленно доступные вообще и недоступные в принципе варианты своей персонификации.

Вообще человек может быть представлен диахронически как последовательная смена стадий существования, как ряд фаз процесса формообразования, как галерея различных обликов: младенец, ребенок, отрок, юноша, зрелый муж, мужчина в годах, старец. Но в этой перемене *ипостасей*, модификации состояний личность сохраняется как *усия*, как непреходящее единство, и целым рядом обстоятельств – память, документы, фотографии, очевидцы, результаты деятельности – она может быть идентифицирована.

Когда я перелистываю свой семейный альбом и разглядываю свои лица разных лет – голыш в умильной позе, первоклашка с ранцем за спиной, школьник у классной доски с чертежом параболы, юноша с гитарой среди подружек, студент с первой редкой бородкой и шевелюрой «под Платона», – а затем вижу в зеркале весьма средних лет мужчину с животи-

ком и лысиной на полголовы, я помню, я знаю, что все это я. И это несмотря на видимые различия и тот факт, известный мне из физиологии, что благодаря процессам метаболизма и обмена веществ в моем теле не осталось ни единой молекулы из того вещества, из которого оно состояло четыре или пять лет назад. Я существую в другой плоти, но существую как «Я».

В моей духовной эволюции такая же картина: за истекшие годы я приобрел знания, поднакопил жизненный опыт, но упустил былую непосредственность; потерял некоторых близких людей, но появилась семья, родились дети; утратил кое-какие иллюзии, но появились и некоторые надежды; научился сдерживать страсти и ладить с людьми, но приобрел и некие «вредные привычки», по поводу которых ворчит жена. Вместе с тем, перечитывая отроческие стихи или наигрывая юношеские песни, перелистывая кандидатскую диссертацию или перебирая первые статьи, я ощущаю, что в чем-то я не изменился; что есть во мне давнем, вчерашнем и сегодняшнем некий инвариант, который можно как угодно называть – душа, внутренний мир, субъективная реальность, личность, – но он есть нечто делающее меня самим собой, придающее мне определенность и выражающее модальность моего бытия в потоке временных изменений.

Аналогичным образом обстоит дело и с современным нам многообразием. Вокруг себя мы видим множество людей, множество, становящееся зримым в толпе и осязаемым в автобусе или метро. И в лица, и в жизни, чужие нам, мы смотримся как в зеркало, пытаясь прежде всего увидеть *свое* возможное, но *вневремен-*

но проходящее и потому *виртуальное* содержание.

Я слушаю, как читает свои стихи поэт или выступает с песнями бард, и думаю о том, что и я мог бы быть на их месте, прожить другую, богемную и суматошную жизнь с какой-то совершенно отличной от моей судьбой. Мог бы стать шофером или поваром – мне и сейчас нравится сидеть за рулем или «колдовать» у плиты. Я мог бы жить в другом городе – Хабаровске или Санкт-Петербурге; жена у меня была бы не шатенка, а блондинка, и не Ксантиспа, а Пенелопа; и были бы у меня не два сына, а две дочки, и не снохи, а зятья. И думаю я так потому, что все это есть у *других* людей, которые, в принципе, ничем не отличаются от меня, и именно поэтому я примеряю на себя обстоятельства *их* жизней, помня, однако, и о тех стрелках, поворотных пунктах в моей биографии, *точках бифуркации*, как модно сейчас говорить, которые вывели мою судьбу на ту именно колею, по которой она катится по сей день.

Добавим к этому, что благодаря книгам и фильмам, вообще любым знаковым формам в поле моего внимания попадают давно умершие Сократ и Аристотель или никогда не существовавшие помещик Костя Левин и дон Румата Эсторский, и тогда становится очевидным, что наряду с явной судьбой я переживаю и *имплицитно* несу в себе массу неявных, виртуальных жизней.

Пласты временной и пространственной сталкиваются между собой и пересекаются. Взрослый, поживший и обремененный опытом мужчина снисходительно смотрит на угловатые – то развязные, то скованные манеры отрока, на его петушиные потуги тоже что-нибудь «кукарек-

нуть», потому что сам был таким и знает, что все выправится, все придет *в свое время*: он видит свое прошлое и не склонен судить его излишне строго. Точно так же юное дарование с благоговением внимает своему мэтру, ученик подражает мастеру даже в манере прикуривать сигарету, девушка отступает в тень перед зрелой и победительной красотой спокойной и уверенной в себе женщины и восхищается видимой легкостью ее власти над мужчинами, пылкий адепт с восторгом слушает политического трибуна – именно потому, что все они видят и предвкушают свое будущее, они мысленно примеряют на себя те возможности, которые уже реализованы их старшими современниками, и ждут *своего часа*. Так виртуальные для нас самих сюжеты предстают перед нами во плоти, и мы видим себя вчерашних или завтрашних *здесь и теперь*.

Благодаря способности к рефлексии, определяющейся духовным, символическим способом освоения действительности, человек живет не только *сейчас и тут*, находясь как животное в ближайшей окрестности точки настоящего, но *там и тогда*, проникая памятью и воображением в прошлое и будущее, переносясь мысленно из своего бытия в чужое, из телесного существования в инобытие, экстраполируя все богатство многообразия реальности на свой внутренний мир, именно в этом процессе освоения и понимания приобретая *сознание*.

Диалектика человеческого существования включает в себя и такой аспект, как относительность автономности и замкнутости, отдельности самой человеческой личности, поскольку и она обладает не только вещными, но и процессуальными характеристиками. Здесь представляется интерес-

ной проблема, сформулированная в работе новосибирского философа Георгия Антипова с красноречиво оригинальным названием «Человек – волна или корпускула?»⁵ Объясняя столь необычное название, автор замечает, что использование понятий, семантика которых уходит корнями в дискуссии о природе света, – всего лишь стилистический прием.

Но если вспомнить, что с более общей точки зрения речь идет о конкуренции двух исследовательских программ, в основе одной из которых – категория дискретности, а другой – категория континуальности, то эта метафора позволяет выявить определенные смыслы в понимании сущности человека, поскольку такие же по своей сути исследовательские программы представляют собой альтернативные асимптоты в методологической ориентации человековедения.

Антипов находит, что, с одной стороны, в культуре Нового времени приобретает устойчивость видение человека как своего рода *монады*, социального атома, замкнутой в себе автономной сущности, определяющей формы своего взаимодействия с другими единичностями социальности. Гоббсовская «война всех против всех», локковский «общественный договор», экономические и гносеологические «робинзонады», столь характерные для этой эпохи, – вот конкретные теоретические подходы, идейные выражения дискретного понимания и построения мысленной модели социального субъекта.

⁵ Антипов Г.А. Человек – волна или корпускула? / Г.А. Антипов // Человеческий фактор в ускорении социального и научно-технического прогресса. – Секция 1: Философские основания наук о человеке (тез. докл.) – Новосибирск: ИФПр СО РАН, 1989. – С. 7–9.

С другой стороны, в XIX веке в контексте складывающегося самосознания научной социологии появляется прямо противоположная трактовка человеческой природы. Самое яркое выражение эта программа нашла в марксизме, в знаменитом «тезисе о Фейербахе», в соответствии с которым «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть ансамбль общественных отношений»⁶. Индивид – «социальная корпускула» – уступает место «социальной волне»: принцип дискретности сменяется принципом континуальности.

Причем эта вторая программа отнюдь не была исключительным достоянием марксизма. Она была выражена в теоретической форме позитивистом Огюстом Контом с его представлением о «всеобщем согласии», об обществе как высшей действительности, предшествующей индивиду, относительно которой он не самостоятелен, а исключительно функционален. Аналогичный подход в русской философии Серебряного века мы находим в «философии Всеединства» Владимира Соловьева, где человек трактуется всегда как часть и олицетворение: семьи, социального круга, общины, города, народа.

В практической же форме эта методологическая ориентация проявилась в массе оправдательных приговоров судов присяжных того времени, сводивших преступление противозаконно действовавших людей к губительному влиянию нездоровой социальной среды («среда заела») и снимавших персональную ответственность с человека за его поступки. Чего сто-

⁶ Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: 2-е изд. – Т. 42. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. – С. 265.

ит, к примеру, оправдание Веры Засулич, совершившей пусть политическое, но все же убийство!

Впрочем, в XX веке вновь актуализировалась дискретная исследовательская программа, например, в социологии Макса Вебера, в философской антропологии Макса Шелера, в психоанализе Зигмунда Фрейда и много еще где. Поэтому следует рассмотреть вопрос о совместимости двух исследовательских программ, об их диалектическом синтезе, а этот последний возможен при использовании концептов диахронического анализа.

Имеющим смысл представляется следующее соображение: дискретность и континуальность личности в социальной среде суть не вечные и неизменные, не фиксированные, а относительные и переменные характеристики человека, *разведенные во времени*. Используя понятийную метафору Антипова, можно сказать, что человек в различные периоды своей жизни в разной мере выявляет черты корпускулы или волны, свойства дискретности или континуальности. Если младенец, целиком являющийся объектом внешнего по отношению к нему воспитательного воздействия, – это, по большей части, «волна», то по мере того, как он растет, формируется как личность, вырабатывает «Я-концепцию» и приобретает самосознание, взрослеет и мужает, когда он становится *ответственным* за свои собственные поступки и начинает *ответчать* за других – собственных детей в нормальном и наиболее частом случае – он все в большей и большей степени становится автономной «корпускулой», взрослым человеком и самостоятельным субъектом общественно значимой деятельности.

Нормальный ход процесса ярко высвечивается аномалиями. Так бывает, что развитие личности задерживается, тормозится заботой сверх меры, излишней опекой и тепличными условиями воспитания. Тогда возникает такое явление, как *инфантилизм* (исп. *infant* – дитя), когда взрослый по годам мужчина не решается вступить в брак, не умеет принимать решения и боится совершить мало-мальски самостоятельный поступок без совета и одобрения потому, что его «держит на коротком поводке» чрезмерно ретивая, ревнивая и эгоистичная мамаша. Обратное явление – *раннее взросление*, характерное, к примеру, для «детей войны», когда семи- или девятилетний мальчишка остается старшим в семье мужиком, а значит – добытчиком и кормильцем, опорой в хозяйстве изможденной работой матери и воспитателем оравы младших братишек и сестреноч.

Вообще относительность, а значит, вариабельность, богатство альтернатив, широкое поле возможностей, открытое пространство преобразований – *натальное* свойство диалектического метода как способа осмысления реальности. Диалектическая двойственность, парадоксальность объяснений, контрарность определений и, в конечном счете, взаимодополнение и глубокое внутреннее единство отчетливо выявляются и в рефлексии главной гносеологической проблемы – проблемы соотношения внешнего бытия и внутреннего содержания познающего субъекта.

Внутренний мир человека, субъективная реальность его «Я» включает в себя чувственные и мысленные феномены. Поскольку в процессе перцепции исключительную роль играет зрение, которое

дает нам огромный массив всей информации о внешней реальности, то *человек* как субъект ориентационной деятельности есть, выражаясь по старославянски, *очеловец*, «ловящий очами», «видящий», а люди суть *очеловецы*. Совершенно так же следует рассуждать и относительно интеллектуальных компонентов субъективной реальности. Все содержание наших мыслей обусловлено операциональным содержанием нашей практической деятельности, а формы выражения мыслей полностью определяются той знаковой системой, в которой осуществляется общение: это – прежде всего и главным образом – язык, внешняя и, как следствие, внутренняя речь. Опять же: мысль есть актуализация в местной локальности субъекта как фрагмента реальности информации, циркулирующей в поле знаков. Это и есть *со-знание*, совместное изначально и, как следствие, индивидуальное *владение знаковой системой*, манипулирование *знаками*, которое и есть, собственно, *мышление*. Вот почему человек, снова выражаясь по-старославянски, – *мыслѣти*, а люди суть *мыслѣти*.

Так, к примеру, мелодию «Чижика-пыхика» можно пропеть голосом: басом или дискантом; прогудеть на трубе или просвистеть на флейте; отстучать на ксилофоне или пианино; записать на грампластинку в виде механической борозды, на магнитную ленту в виде переменных потенциалов, на киноленту в виде световой дорожки зачернений по краю целулоидной пленки, в цифровой форме в компьютере. Аналогично длина волны колебаний электромагнитного поля или частота колебаний воздуха замещаются в психике красным или звенящим, а частота колебаний молекул в зависимости от диапа-

зона ощущается как кислое или соленое. Во всех случаях различен *материал*, но инвариантен *эйдос*.

Второе же обстоятельство заключается в том, что в человеке как сложно организованном фрагменте реальности пересекается несколько модальностей бытия, разновидностей процессов или, в терминологии Фридриха Энгельса, взаимодействует сразу несколько форм движения материи. В самом деле: человек есть механическая масса, физическое тело, химическое вещество, биологическая ткань, животный организм, индивид популяции приматов и личность как элемент социума.

Специфика диахронического подхода заключается в том, что реальность человеческого существования распадается на ряд процессов, протекающих с различными скоростями, в разных темпах и с разными ритмами изменчивости. При этом естественным образом диалектика реальности проявляется в бытии субъекта деятельности таким образом, что более высокие уровни организации оказываются и более быстрыми, а значит, относительно интеллектуальных или психических процессов изменения биологического или химического порядка выглядят константными, вечно-определенными, телесными.

Так, разумом мы прекрасно понимаем, что наше тело – это тоже процесс. И хотя оно сегодня такое же, как вчера и позавчера, и завтра вряд ли изменится радикально, мы знаем, что изменения идут. Известно, что примерно за четыре года полностью обновляется химический состав тканей нашего тела. Подумать только! Во мне нет ни одной молекулы из тех, что были элементами моих

мышц и костей, нервов и крови всего лишь четыре года назад, но я-то все тот же! Устойчивость и изменчивость реальности проявляются в моем собственном бытии вот в таком конкретном ритме. Мне хочется иметь атлетическую фигуру, но тренер мне говорит, что этого нужно добиваться в течение многих недель упорных тренировок с отягощениями и тренажерами. Минимальный срок – столько-то месяцев. И я понимаю: тело изменчиво, пластично, но это изменение обладает определенной инерцией и требует затраты нравственных и физических сил.

Поставим еще и мысленный эксперимент. Если бы я по принципу семейного альбома снимал себя фотоаппаратом по одному кадру в день в одном и том же ракурсе продолжительно: от состояния грудничкового малыша до школьника с ранцем, юноши с гитарой, студента с шевелюрой под Платона, зрелого доцента с брюшком и плешью, пожилого профессора с лысиной и в очках и худенького старичка-пенсионера с тросточкой и седой щетиной на скулах, а потом прокрутил бы эту портретную галерею со скоростью киноплетки, у меня исчезло бы не только интеллектуальное представление, но и перцептуальное впечатление о том, что я есть устойчивое тело, определенная вещь. Я увидел бы на экране нечто подвижное, непрерывно меняющееся, то тянущееся вверх, то уменьшающееся в росте, то толстеющее, то худеющее и ссыхающееся в объеме – я увидел бы биологический процесс трансформации протоплазмы, тканей организма во всей последовательности фаз – от возмужания до увядания. И я всего этого не вижу лишь потому, что мое тело меняется значительно медленнее, чем

функционирует аппарат зрительного восприятия.

Наконец, еще одна идея относительно онтологического статуса субъективной реальности заключается в том, какой операциональный смысл имеет термин «субъект» с позиций релятивистской модели реальности. Мы привыкли понятие субъекта определять характеристиками «активность», «самопричинность», «произвольность действий», «преобразование», «освоение» объекта и т. п. Все это так и все это верно, если не абсолютизировать все эти характеристики и не приписывать их монополюльно человеку. Сам человек в скольких угодно обстоятельствах выступает и в качестве объекта, когда, например, страдает или зависит от стихийных природных сил, когда подвергается формирующему, контролирующему и корректирующему воздействию социума, когда становится игрушкой в руках манипулирующего им другого субъекта и т. п. Но дело даже не в этом.

Мой внутренний мир, реальность моего «Я» – это такая же реальность, как и всякая другая. Но это *моя* реальность, т. е. часть бытия, фрагмент бытия, относительно обособившийся и отгородившийся от общего потока, сохраняющий в этом потоке некоторую определенность и устойчивость. Причем как своеобразный фрагмент реальности все остальное многообразие существований я воспринимаю с точки зрения своей собственной модальности, относительно которой мир распадается на вещи и процессы, среди которых я для самого себя выступаю как эталон.

Но ведь точно так же дело обстоит и относительно любых других фрагментов реальности. Так, дерево, растущее рядом с моим крыльцом, я воспринимаю как вещь, но все же довольно изменчивую, поскольку

ку я замечаю, как оно растет, сбрасывает и выращивает листву, распускает новые ветки. Бульжник, лежащий рядом с деревом, я уже воспринимаю как вещь совершенно инертную, неподвижную, как бы раз и навсегда зафиксированную в пространстве и времени.

Однако если дерево и бульжник могли бы наблюдать меня, то дерево, возможно, еще и заметило бы, как нечто неопределенной формы стремительно мелькает мимо него. Медленный бульжник, скорее всего, тупо уставившись перед собой, еще видел бы, как быстро растет, изгибается и ветвится дерево, но уже меня он просто не заметил бы, а если бы я как-нибудь пнул его мимоходом, он не успел бы понять, что с ним произошло, и воспринял бы свое перемещение как нуль-транспортровку.

Еще одно соображение заключается в том, что моя (для меня) и любой другой вещи (для нее) субъективная реальность, т. е. замкнутый, устойчивый, целостный фрагмент бытия есть реальность единственная, и все остальное многообразие существований моделируется исключительно внутренними средствами. Так, я не могу быть самим собой и кем-то или чем-то еще одновременно. Мне до тех пор, пока я сохраняюсь как я, как нечто отдельное и автономное, невозможно пережить модальность бытия другой вещи или другого существа, перевоплотиться в них. При самом сильном желании я не могу побыть немножко собакой и почувствовать мир в ее диапазоне запахов; я не могу превратиться в пчелу или стрекозу и увидеть, как выглядит цветок розы, если смотреть на него фасеточными глазами; мне не дано перевоплотиться в клен и ощутить вкус соков земли, вливающих в корни, и пережить состояние насы-

щения после солнечного дня и активного фотосинтеза в листьях.

Так, Фридрих Энгельс, комментируя аналогичную проблему, писал: «Разумеется, мы никогда не узнаем, в каком виде воспринимаются муравьями химические лучи».⁷ Имелось в виду ультрафиолетовое излучение, которое мы вовсе не воспринимаем без прибора-преобразователя. Однако Энгельс был убежден в наличии соответствующих ощущений у муравьев, и они не лучше и не хуже наших, они просто *другие*.

Сказанное выше можно выразить в достаточно простой форме: фантастические перевоплощения, чудесные превращения в реальности невозможны. Но этот фундаментальный запрет можно сформулировать и в категориальной форме как *принцип несмешиваемости бытия*, смысл которого можно выразить в следующей констатации: существование вещи сохраняет *единственную* определенность в пределах ее целостности и автономности. При передаче от тела к телу вещества, энергии и информации *всегда* имеет место процесс преобразования, ассимиляции и первого, и второй, и третьей. Всякое *чужое* может быть пережито субъектом лишь посредством превращения его в *свое*: «внешнее» должно стать «внутренним», чтобы превратиться в чувствительный, перцептивный или интеллектуальный факт. Эта констатация утверждает в мысли о том, что со всеми релятивистскими оговорками, со всем пониманием диалектики реальности в субъективной интерпретации, в своей собственной системе отсчета, в координатах своего существования всякая вещь есть микрокосм и субстанция бытия.

⁷ Энгельс Ф. Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч., 2-е изд. – Т. 20. – С. 555.

Литература

Антипов Г.А. Человек – волна или корпускула? / Г.А. Антипов // Человеческий фактор в ускорении социального и научно-технического прогресса. – Секция 1: Философские основания наук о человеке (тез. докл.). – Новосибирск: ИФПр СО РАН, 1989. – С. 7–9.

Крюков В.В. Виртуальная реальность: понятие и техническое воплощение / В.В. Крюков, А.В. Никоненко // Социально-гуманитарные исследования. Вып. 2: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. – С. 87–102.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: 2-е изд. – Т. 42. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. – С. 265.

Носов Н.А. Психология ангелов / Н.А. Носов. – М.: ИТАР-ТАСС, 1995. – 244 с.

Петрова Н.П. Виртуальная реальность для начинающих пользователей / Н.П. Петрова. – М.: Акварнум, 1997. – 113 с.

Шаповалов Е.А. Философские размышления о виртуальной реальности / Е.А. Шаповалов // Вестник СПбГУ. – Сер. 6. – 2001. – № 13. – С. 34–38.

Энгельс Ф. Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч., 2-е изд. – Т. 20. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. – С. 555.

Hammet F. Virtual Reality / F. Hammet. – New York: Straus Ed. – 1993. – 213 p.